

Флегонт Арсеньевич Арсеньев

Щугор

Флегонт Арсеньев

Щугор

«Public Domain»

1895

Арсеньев Ф. А.

Щугор / Ф. А. Арсеньев — «Public Domain», 1895

«Почти параллельно Уральскому хребту величаво улеглась в обрывистые берега громадная северная река Печора. Вытекая из Пермской губернии и принимая на своем двухтысячном протяжении довольно много больших и малых притоков, река эта широким руслом вливается в Ледовитый океан. Уральские горы местами так близки к печорским берегам, что кажется, тут и есть, рукой подать: так отчетливо и резко рисуется этот горный кряж на восточном горизонте...»

© Арсеньев Ф. А., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Флегонт Арсеньевич Арсеньев

Щугор

Почти параллельно Уральскому хребту величаво улеглась в обрывистые берега громадная северная река Печора. Вытекая из Пермской губернии и принимая на своем двухтысячном протяжении довольно много больших и малых притоков, река эта широким руслом вливается в Ледовитый океан. Уральские горы местами так близки к печорским берегам, что кажется, тут и есть, рукой подать: так отчетливо и резко рисуется этот горный кряж на восточном горизонте. На равнине, между Печорой и Уралом, параллельно с последним, часто встречаются отдельные кряжи, которые зыряне называют пармами. Одни из парм длинные, другие короче, но все они образовались в виде складок при поднятии Уральского хребта. Самая длинная цепь этих гор известна под именем Высокой Пармы. Она поворачивает к северо-западу, проходит около деревни Почерем и расстилается затем в плоскость по берегам Печоры. Долины у подножия уральских откосов и отдельных кряжей покрыты густым хвойным лесом, который, постепенно редая и перемешиваясь с лиственными породами, восходит до известной высоты, сохраняя прямизну деревьев и здоровый их вид. Граница произрастания леса возвышается и понижается, смотря по крутизне склонов и по стране света, к которой они сходят; более всего понижается эта граница обыкновенно на северо-западной стороне гор, потому что дующие с северо-запада холодные ветры задерживают рост и развитие деревьев. Над чертою леса крутыми подъемами возвышаются горы, которых самые крайние очерки принимают преимущественно две отличные одна от другой формы: или длинные хребты с скалистыми ребрами, или круглые кегли, совершенно похожие на базальтовые и трахитовые горные вершины других стран. Пологости и проходы в горах покрыты мохом и чахлою травой, выступающей из черных щелей и трещин дикого камня. Вдоль источников, которые обыкновенно здесь берут свое начало с гор, тянется местами ивовый кустарник, заглушенный высокими травами и представляющий разным водоплавающим птицам излюбленнейшие места для свивания гнезд. Крутые скаты и вершины всех гор представляют нагроможденные в беспорядке кучи каменных глыб, переходящие иногда в отвесные, зубчатые, изрезанные щелями стены. На высотах, покрытых кучами камней, растут одни только лишай. Еще выше, и только там, где отвесные скалы оканчиваются небольшими площадками, по берегам пробивающихся изредка источников заседает мох и мурава – единственные признаки жизни мертвых окрестностей. Выход на эти горные стремнины весьма затруднителен: надобно подниматься с большою осторожностью, чтоб не ступить на шаткий камень, который легко может потерять равновесие и покатиться в пропасть вместо с входящим человеком; но зато по этим глыбам можно, как по лестнице, достигнуть таких высот, на какие при другом образовании гор не мог бы взобраться и самый отважный альпийский охотник. На одном из откосов Урала возвышается гора с обнаженным теменем, известная под именем Моицкого Болвана. Остяцкое название: остяки называют себя – манци. Это одно из тех мест, на которых еще до сих пор сохранился обычай остяков приносить своим идолам жертвы. На таких жертвенниках нередко встречаются поставленные на камнях или воткнутые на шесте олени черепа с рогами и разбросанные в беспорядке кости заколотых в жертву животных. Странен обычай остяков убивать животных, назначенных для этой цели: они заколачивают оленю все отверстие ноздри, рот, уши и проч. деревянными кольями и, этим мучительным способом умерщвляют его. В прежние времена, впрочем давние, остяки приносили в жертву идолам, кроме оленей, также серебряные украшения и монеты, но с того времени, как некоторые ссыльные в Обдорске сделали в отыскивании остяцких жертвенников и в обирании с них серебра очень выгодный для себя промысел, такие жертвоприношения прекратились.

Против, селения Усть-Щугора, прорезав Ыджеди Парму, впадает в Печору Щугор, вытекающая из Уральских гор. Река эта на своем чрезвычайно извилистому пути имеет протяжение, не более 350 верст; она очень глубока и необыкновенно быстра, как вообще все горные реки, имеющие крутое падение. Прозрачность воды в Щугоре, изумительная: маленькие камешки, песчинки крупного хряща можно рассмотреть в ней на саженной глубине. Вода в Печоре довольно чиста, но, когда вливает в нее свои струи Щугор, они резко отличаются от печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на несколько верст вниз по течению Печоры, около правого ее берега.

В конце июля 186... года, в легкой, но приспособленной для дальних переездов лодочке, спускаясь вниз по течению Печоры вместе с товарищем моим не путешествию П. Д. Волковым и промышленником Зыряниным, заматерелым охотником и рыболовом Алексеем Теньтюковым, добрались мы до устья Щугора, исследование которого входило в план нашей поездки по Печорскому краю. Погода стояла превосходная. Мучительное комариное время уже прошло. Мы перенесли его на верховьях Печоры. Комары на Печоре, в конце мая, июне и начале июля, это одна из невыносимых казней египетских. Мириады этих кровопийц, каких-то особенных, необыкновенно крупных, рыжеголовых, нападают на человека и на всякое живое существо тучами, мешают есть, нить, работать, думать; от них нет спасения: накомарники¹ не помогают; они как-то ухитряются залезть и под них; да в знойные дни и душно в накомарниках; смазывание открытых мест тела пахучими веществами не служит ни к чему. Один только ветер несколько прогоняет несносных пискунцов.

К Щугору мы прибыли на солнечном восходе. Над водою колыбался туман. По левую сторону Печоры бесконечно широко расстилалась равнина с поросшим на ней темным лесом, по правую, вдали от береговой полосы, возвышались горы, из-за которых солнечные лучи золотом обливали покойную поверхность вод Щугорского устья, доходящего сажен до ста ширины. Берега Щугора при устье на пространстве двух или трех верст состоят из наносной равнины, поросшей березами и ивами, и чем далее к Камню², тем выше они поднимаются, переходят в угоры, делаются каменистее и покрываются хвойным лесом. По прибрежной равнине. Щугора кое-где разбросаны поляны. Дымившийся пар с этих полян и крик чаек изобличали присутствие курей (луговых озер). Мы сделали привал к луговой части берега, заехавши в заводь, образовавшуюся под небольшою острою коскою. На красивой луговинке, под раскидистой ивой, в виду двух громадных рек, устроилась наша временная стоянка.

– Как у нас запас провизии, Павел Дмитриевич? На исходе надо полагать? – обратился я к своему товарищу, заведовавшему в пути хозяйством.

– Поиздержались-таки; чаю и сахару еще много; а вот насчет хлеба насущного – плоховато: одни только сухари и остались; соли довольно.

– Значит – жить еще можно; о приварке только позаботиться следует: экскурсию охотничью сочинить нужно.

– Вали на курьи; всякой утки здесь, что мякины – не перестрелять; а мы с Алексеем в прозрачных чертогах справку наведем: рыбешки не поймем ли.

С собою взяты были разные рыболовные принадлежности: удильные крючки, животные крюки, жерлицы и даже небольшие ботальные мережи. В длинном путешествии по малонаселенному краю эти рыболовные снасти оказывали нам большую услугу в продовольственном отношении.

Затянув патронташ, перекинув сумку через плечо и ружье за спину, я направился на крик чаек, рассчитывая попасть или на большое торфяное озеро, или на водомоину. Последние часто встречаются в луговых припечорских низинах. Образованием их служат быстро стекаю-

¹ Сетки, надеваемые на голову и лицо вроде пчелиных, употребляемых при вынимании меда из ульев.

² Горный кряж Урала.

щие с гор потоки, во время весеннего таяния снегов. Такие водомоины, или черторои, обрастают по берегам раkitником, заглушаются болотными травами и служат превосходнейшим местом для обитания уток.

Сначала пришлось мне пробираться сквозь частый кустарник, но я скоро вышел на луговину, которая извилистым долочком тянулась около березовой рощи. Через четверть часа ходьбы долина начала принимать все более широкие размеры и наконец раскинулась обширным сенокосным наволоком. Налево, к угору, сверкнула вода; я повернул к ней. Подхожу – лог, сажень около двадцати ширины, с сухими березами; по окраинам – осока, на воде широкие листья лопуха покачиваются ветерком, и местами резун плотно заткнул воду, разбросавшись по ней своими колючими, мясистыми листьями. Из-под ног, из осоки, сорвалась кряковая утка: ружье было на плече, я сбросил его, взял на прицел, но было уже не в меру, не успел выстрелить: утянула. Через несколько шагов еще поднимается пара; я ударил по правой: со всего размаха шлепнулся в воду тяжелый кряковень, гулко раздался выстрел, каким-то перекастистым эхом застонал он по равнине, и вот громаднейшие стада уток различных видов начали взлетать из осоки и из-под нависели раkitника и закружились в воздухе. Шурканье крыльев, крякотня, свист раздавались со всех сторон. Выстрел мой наделал необычайный переполох обитателям здешних болот и озер: всюду залетали стада, то опускаясь далее вновь на воду, то забираясь высоко в воздух. Вот мчится прямо на меня несколько десятков связей: я дал им сравняться, они взмыли над моею головою, порвались вправо и сплотились в клубок. Я шарахнул в самую гущу: три штуки покатались в середину лога. В горячности я и не заметил, что наглупил: утки упали далеко от берега, достать их невозможно, значит, незачем было и стрелять по направлению к воде. Сломил я хворостину аршина в четыре, попытал глубину у берега: не хватает до дна; плыть нельзя: водяная растительность, плотным ковром засевавшая около берегов, не позволила бы двинуться. А убитая дичь покачивается на воде: одна связь лежит кверху брюшком; ярко блестит на солнце ее белесоватая хлупь; три штуки вверх спинками, опустивши вниз головки. Шаль уток, хочется их добыть, но я не мог придумать средство – как бы это сделать: хоть бы веревка была, навязать бы палку, забросить далее за уток и таким способом приплавить их к берегу. Это случалось практиковать с успехом, но веревки не было.

Ветерок стал дуть посильнее, зарыбил поверхность лога и погнал мою дичь к противоположной стороне. Две утки, занесенные в резун, засели в нем безнадежно, другие две угодили в небольшую чистенькую прогалинку и довольно близко подбились к берегу; по крайней мере мне так показалось отсюда. Следовало обойти лог, чтобы достать уток с той стороны. Зарядив ружье, я пошел по окраине лога, по направлению к лесу. Печора оставалась у меня назади, а Щугор с левой руки. Не прошел я и ста шагов, как услышал позади себя необыкновенный шум а воздухе: я обернулся, вяжу – летит какой-то большой ястреб, сделал круг над моими убитыми утками, лег над водою, вытянул поджатые ноги и, подхватив крякушу, тяжело поднялся с нею на противоположный берег, пролетел над раkitовою зарослью и спустился за кустом. Обидно, подумал я, досталась добыча черту в лапы, а поделаться ничего нельзя: не перескочишь, через воду. Я прибавил шаг из опасения, чтобы, и остальных уток не постигла та же участь.

Местность начала понижаться, перейдя в сыроватую с небольшими болотистыми впадинами. Наконец, я уперся в довольно большое кочковатое болото, сплошь заросшее густою осокою. Из лога вдавался в это болото залив. По берегу лога пробираться далее не было возможности, я взял влево и пошел в обход болота, держась его окраины. Из-под ног вырвался бекас, потом другой, наконец вдруг поднялось штук пять: я не выдержал и наслал голенастикам два выстрела вдогонку: крупная дробь, не задела ни одного, но выстрелы подняли вновь бесчисленное множество дичи: кроме уток, всюду залетали стада куликов, быстро помчалась возле меня станичка ржанок, закружились в воздухе кроншнепы, зычно где-то крикнул гусь и благим матом загалдели журавли. Воистину, великое и обильное царство пернатых. От такого множества всевозможной болотной дичи рьяному охотнику можно обезуметь. Я и обезумел; с изум-

лением, как шальной, забыв зарядить ружье, смотрел я на кружащиеся стада. Если сравнить их со стаями летающих грачей над вершинами старых берез обширного заброшенного сада или с сеткою галок над городскими церквами, то это будет весьма слабое понятие того, что совершалось надо мною... И все это пищало, кричало, крякало, все, это производило какой-то невообразимый смешанный гвалт. Через четверть часа расселась снова дичь по местам, снова все затихло, лишь изредка слышалась перекличка кряковых уток и клыканье белоголовика, на недостижимой высоте парившего над озерами. Зарядив ружье, я двинулся по избранному пути. Болото становилось глуше, водянистее. Из травы грузно поднялась утка и повалилась с выстрела; из налетевшего на меня вслед за этим стада ржанок, я из левого ствола вышиб трех штук; потом; еще убил вскоре пару уток. Через четверть версты берег болота сделался суше. Показались кустарники можжевельника и редочи еловой подросли. Вдруг из одного елового куста, мимо которого я проходил, поднялась с большим шумом какая-то крупная птица; да секунду она застряла в вершинах деревьев и потом вытянула предо мною на чистовину; вижу – глухарь; я хватил его впоперечь: свалился, как сноп. Выстрел до того был удачен, что даже досадно сделалось, что некому было полюбоваться на него со стороны; глухарь матерый, громадных размеров – около 20 фунтов весу. Заряд угодил ему в бок и уложил наповал. Казалось бы, и будет дичи, можно бы и назад возвратиться к лодке, но жаль было оставить убитых уток, за которыми я пошел в обход, да и местность настолько меня заинтересовала, что мне захотелось еще походить, поисследовать ее. Двинулся далее. Кустарник делался плотнее и, наконец, перешел в еловую чащу, составляющую опушку сплошного леса, в который с правой стороны от болота вдавалось острым углом чистое озерко. Продираясь сквозь ельник, я начал обходить это озерко. На середине его, вне выстрела, ныряли около десятка чернетей. Заметив меня, они сжались в кучу и, покеркивая, изогнув головки несколько в сторону, вдавившись как-то в воду по самую шею, бойко поплыли к противоположному берегу. Обойдя озерко, я снова вышел на обширную луговую пожню и, все держась берега, начал, как мае показалось, возвращаться с противоположной стороны назад, к тому месту, где оставил убитых уток, но вдруг я уперся в поперечную промоину, сажен, около семи ширины; она отрезала мне возможность обхода. Следовало бы воротиться назад, но продираться вновь сквозь лесную чащу, идти старым местом, не достигнув цели, мне не захотелось, и я вошел по берегу промоины, в надежде отыскать брод. Местами промоина суживалась до трех сажен, местами расширялась сажен до двадцати и более. Из-под нависели раkitника, кой-где раскидавшегося по окраине промоины, поднимались довольно часто связы и кряковые; но пыл во мне уже поулегся: я не стрелял их – не потому, впрочем, что находил свой ягдташ достаточно наполненным, но с подъема утки направлялись да противоположную сторону, и я не был уверен, что, убивши, воспользуюсь ими.

Я шел по берегу промоины около версты: место было открытое, плоское. Вижу – впереди опять вода. Я натолкнулся на новое озеро, с которым соединялась промоина, представлявшая таким образом пролив между двумя небольшими водоемами. Почувствовав некоторую усталость, я присел отдохнуть на берегу озера. Оно было круглой формы и имело поперечнике около 200 сажен. Судя по наружному виду, глубина в нем, вероятно, весьма значительна, потому что, несмотря на прозрачность воды, дно не просвечивалось. Окраины озера сухие, местами обросшие раkitником. Берег с моей стороны – отлогий, луговой, а противоположный, прибегающий уже к горным склонам Уральского кряжа, крутой и обрывистый, с скалистыми осыпями, по урезу которых тянулся небольшой сосновый лесок. Озеро было красиво; гладкая поверхность воды лоснилась, как стекло. Множество чаек вились и орали над водою; кое-где плавали гагары, да громадное стадо чернетей то и дело перелетало с места на место. Изредка всплескивалась рыба; расходящиеся широко круги на воде показывали, что экземпляры водяных обитателей были изрядной величины.

Время близилось к полудню. Солнце пригревало так усердно своими горячими лучами, что мне захотелось поосвежиться в озере, светлая прозрачная вода которого так и тянула выкупаться. Раздевшись, я бросился в воду; у самого берега глубина озера оказалась чрезвычайная: опустившись, я не мог достать дна; берега сходили в воду не только отвесной стеной, но еще имели под себя подмоины, или, как называют рыбаки, пазухи, куда удобно укрыться рыбе при ловле ее неводом и вообще всякими сетями. Мне не раз случалось видеть в окрестностях Шексны небольшие с подобными свойствами озерины. В них всегда было множество рыбы, которую из этих бездонных котлов, с глубокими рытвинами, далеко уходящими под берега, невозможно добыть никакими снастями, кроме единственной, самой ничтожной между рыболовными принадлежностями, – это удочки. И здесь, купаясь в водах неизвестного мне озера, приютившегося в пустынной местности на склоне уральских отрогов, я искренне пожалел, что в моем ягдташе не было в запасе этого скромного рыболовного снаряда. Невзирая на мое бултыханье в воде, рыба то и дело плавила во всех местах озера, даже около самого меня. Часто, при сильном всплеске, дробно рассыпалась мелкая рыбешка в разные стороны, по чему можно было безошибочно судить, что эти щуки или окуни гонялись за добычей. «Жерлицы бы пустить на колодках, животные крюки поставить бы, – мелькало у меня на мыслях, – не остаться ли на устье Щугора на сутки для потехи, прийти сюда с Павлом Дмитриевичем и попытать счастья; уж поговорю с ним, – размышлял я, – может, и согласится».

После купанья меня начало клонить ко сну. Накануне, плывя по Печоре, мы почти всю ночь не спали из желания поспеть к утру на устье Щугора, да и побродил я, должно быть, много: делая обходы пологих болот и озерин, я исколесил порядочное пространство, так что чувствовал утомление. Я прилег на случившийся тут небольшой холмик. Надо мною раскидывалась бесконечная, недосыгаемая высь бледно-голубого неба; солнце сияло ярко; на западе громоздились отличавшие жемчужным блеском комья небольших облаков; на востоке обрисовались зубчатые вершины горного кряжа, вздымаясь в высоту какими-то фиолетовыми буграми; ниже их темною полосой расстился хвойный лес. Направо, «верстах в четырех, виднелись береговые очертания Печоры, верхние плеса которой в крутых изворотах блестели широкими серебряными лентами. Оглядевши местность, я сообразил, где находится устье Щугора и наша стоянка. Заблудиться было невозможно. Хотя я на этот счет и успокоился, но среди пустынной, безлюдной местности чувствовал как-то совершенно себя одиноким; ничто здесь не изобличало присутствия человека, не было слышно ни говора, ни песни людской, никакого отклика. Но в то же время иная жизнь, жизнь природы непрерывно обхватывала меня со всех сторон, бесчисленные голоса чаек оглашали окрестность громкими, словно чего-то вымаливающими криками; стаи куликов сновали передо мною беспрестанно, перекличка кряковых уток раздавалась со всех сторон. Плуканье рыб по озеру, стон крачек, перелет нырков, голоса на воде, голоса в воздухе не прекращались ни на минуту. Вдруг около самого меня шарахнулась какая-то разом обвеявшая меня масса: это белоголовик кубарем ударился в воду, подхватил довольно большую рыбину, взмыл вверх и, ровно махая крыльями, полетел за озеро, в полосу чернеющего леса; его со страшным гвалтом преследовали чайки.

Солнце жгло меня на пригорке невыносимо. Я перебрался в тень, под ракитовый куст, к самому озеру, положил ружье около себя и скоро заснул крепким сном.

Проспал я около трех часов. Когда проснулся – погода поизменилась: с запада подувал довольно крепкий ветерок; кучевые облачка похаживали по небу. В воздухе свежело. На озере, Шагах в тридцати от меня, плавало стадо штук в Тридцать чернетей, беспрестанно нырявших. Я заслонен был от них кустиком ракитника, сквозь ветви которого и осмотрел уток. Осторожно подняв ружье, подполз я еще ближе к кусту, просунув сквозь ветви стволы, и, выждав тот момент, когда чернети сгруппировались, выстрелил в середину стада; три остались на месте, остальные, поднявшись, залепетали по воде. Из второго ствола, в угонку, еще вырвал одну штуку. Ветерок

погнал убитых уток к тому берегу. Я был вполне уверен, что их прибьет к нему прежде, нежели я успею обойти озеро; к обходу же не представлялась, по-видимому, никаких препятствий. Берега сухие и возвышенные. Обход не велик, немного более версты, времени до вечера, еще много, силы подкрепились сном. Я бодро пустился в путь. На половине обхода окраина озера понизилась, берега отлого сбежали к воде и образовался узкий залив, вдавшийся в виде языка сажень на сорок в ложину лугового пространства. Залива этого я прежде не заметил: его закрывал от меня, ракитник и ольховые кусты. Сразу можно было видеть, что эта часть озера была мелка: по берегам осока и кочкарник, по воде пльвуны, ряска и травяные заросли; противоположная сторона залива состояла совсем из пересохшей отмели, переходящей в тинистую грязь. Мириады мелких куликов разных видов бегали по болотине, подбирая разную болотную шмару и насекомых. Вдруг я осмотрел в конце залива, под берегом, весьма большую птицу, мерно шагающую по отмели. По серопепельному цвету и длинному носу я принял ее за журавля, но горбатая спина, опущенный кургузый хвост, петлей сложенная шея, прижатая к плечам, длинные косицы на голове – все эти признаки, изобличали, что это не журавль. Из-за куста я подошел к птице шагов на двадцать; она меня заметила и молча поднялась, вытяну» ноги назад, а шею загнув на спину: вижу – цапля. Что за чудо! Какою бурей занесло эту обитательницу умеренных стран в такие далекие северные пределы? Впрочем, не раз случалось мне встречать пернатых под несоответствующими их обитанию широтами: в Костромском уезде, в обширных луговых пространствах Поволжья, в 1854 году, я убил пару стрепетов; в Яренском уезде во ржи не раз слышал крик перепелов; а Чевьинском болоте, в окрестностях Усть-Сыольска – видел черного аиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.